

Спасо-Парголово-Листок протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 10 ПЕТРОГРАД И РОССИЯ. 1919 – 1922 годы

Продолжая говорить о служении о. Владимира в Феодоровском соборе, можно отметить и ещё одну черточку опубликованных воспоминаний Зои Владимировны Шамониной (1914–1985). Кстати, она могла не только передать в них рассказ батюшки, но уже и дополнять его собственными детскими впечатлениями – ей было тогда 5-6 лет.

Она пишет: «время настало военное, полуголодное, и люди, жалея и выделяя молодого семейного священника среди монахов, приходили к нему домой и приносили что-нибудь из продуктов. Собор почти не отапливался: в алтаре замерзала вода, служили в шерстяных беспальных рукавицах, на шею наматывали шарф (другие, а не отец Владимир – он служил как есть). Но пальцы рук у него распухали, болели. Сестры-монахини... принесли мази намазать на ночь и завязать пальцы. Все были простужены, кашляли, голоса срывались, а наш папа – как будто неуязвим. Одна прихожанка приносила мёд, чтобы батюшка пил с ним чай, а он мазал его на хлеб детям».

Здесь мы, похоже, сталкиваемся с упоминанием о событиях «Первой блокады города», тогда ещё Петрограда, как теперь стали называть её историки. Хотя, кроме них, мало кто адекватно представляет масштабы этого бедствия и его причины...

Если в начале 1917 г. население Петрограда составляло 2 млн. 400 тыс. человек, то к концу 1920 г. – не больше 800 тыс. Эти потери сопоставимы с потерями населения города в 1941-1943 гг. Хотя как таковой «блокады» в прямом смысле не было – голод был следствием политики пришедших к власти большевиков, а не окружения. На территориях, контролируемых Белой армией он в целом по России в такой степени не проявился, как в «красном» центре.

Конечно, перебой с продовольствием, связанные с Первой Мировой войной, нагрузкой на экономику и с тем, что большая часть трудоспособных крестьян оказалась призванной на фронт, были и до переворотов 1917 г. Государственная монополия на хлеб была объявлена Временным Правительством ещё в марте 1917 г.

Но настоящий голод принесла советская власть. По Брестскому миру была оккупирована немцами Украина – из «житницы России» она становится «житницей Германии». Большевики полномасштабно начинают «национализировать» промышленность, транспорт (железные дороги, флот), пытаются отказать от финансовой системы вообще («военный коммунизм»), что приводит к общему ступору производства, безработице, нарушению связей внутри страны. С начала 1918 г. некоторые продукты выдавались по карточкам, а с ноября 1918 – все продукты только по карточкам.

Распределение продуктов по карточкам было ещё и особой политикой вымарачивания «неугодных классов». Рабочим военных заводов выдавали в месяц 24 фунта муки, 1-4 фунта крупы, 1-2 фунта сахара, 3-6 фунтов мяса. Граждане из «бывших эксплуататорских классов» получали от 50 до 250 граммов хлеба в день (с весны 1919 г. в Петрограде – 50-100 г.) и более ничего, кроме того, до части из них карточки не доходили вообще. Да, продукты и повседневные товары можно было приобрести на чёрном рынке, противозаконно, но финансовая политика большевиков обесценила деньги. Фунт масла стоил 2300 рублей, соли – 380, одна свеча – 600, коробок спичек – 80. Бывшие дворяне и интеллигенция меняли на хлеб и другие продукты питания фамильные драгоценности, часы, мебель, одежду.

Священники были причислены к самой обделённой правами и пайком, четвёртой категории населения, вместе

с бывшими помещиками (землевладельцами), крупной буржуазией и собственниками, у которых, по сравнению с «духовными», оставались какие-то сбережения и ценности, если конечно, их не изъяли до этого по «ордеру на экспроприацию». Но продуктов не хватало даже рабочим, им давали отпуска для отъезда в деревни на «поправку здоровья» (летом 1918 закрыли Путиловский завод на две недели, чтобы рабочие могли подкормиться за пределами Петрограда).

Наряду с голодом, переборами с топливом, начались эпидемии. Кроме того, что подача воды в петроградский водопровод упала, летом 1918 года временное прекращение хлорирования водопроводной воды вызвало в Петрограде вспышку холеры. Съеденные городские лошади означали не только отсутствие извозчиков, но и прекращение вывоза нечистот и мусора. К этому добавилось отсутствие лекарств, дефицит мыла и топлива для бань. Если в 1914 году в городе было свыше двух тысяч докторов, то к концу 1920 года их оставалось меньше тысячи (напомним, что похороненный на Шу-

Раздача детям бесплатного обеда. Петроград. 1919 г.

валовском кладбище известный доктор Цимбалин умер именно в этом году, заразившись тифом от пациентов). Разумеется, советская власть всю вину за голод и «разруху» и тогда, и всё последующее время – в учебниках истории – сваливала на Гражданскую войну и Бельх...

За скудными строками воспоминаний Зои Васильевны мы видим такую картину. Семья батюшки, он и матушка с тремя дочками, могла выжить без потерь только благодаря помощи прихожан. И не случайно так запомнила Зоя Васильевна мёд и мази от сестёр-монахинь. Они были величайшей, наверное, драгоценностью, на вес золота и бриллиантов. Воспоминания намекают на то, что на единственный продукт, доступный по карточкам семье священника – хлеб, благодаря помощи прихожан стало возможно намазать мёд. Возможно, присылали батюшке продовольствие и из Сары – в деревнях голод не был таким страшным. Мы с вами увидим дальше, по мере нашего повествования, что связи с первым местом служения у о. Владимира сохранялись достаточно продолжительное время.

Обвиняемые по петроградскому делу об изъятии церковных ценностей. В первом ряду, в центре – митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский). Петроград, 1922 г.

Воистину, в те годы жизнь священника зависела от любви и преданности его прихожан. А прихожане всегда и везде заслуженно любили замечательного батюшку – от Сары до Спасо-Парголово-Листок храма...

... После поражения Белого движения (о причинах его не место здесь говорить, так как его влияние на события жизни о. Владимира весьма опосредованно), большевики поставили перед собой цель подавить саму возможность крестьянских волнений. Для этого крестьянство должно было быть ослаблено. Массовый крестьянский голодомор начала 20-х гг. был следствием политики большевиков, которая наложила на неблагоприятные природные условия. С лета 1920 г. по март 1921 г. по всей России, где установилась «советская власть», проводились насильственные изъятия у крестьян почти всего хлеба и иных пищевых продуктов, массовый угон скота. Инструкции Ленина, предписывающие изымать посевное зерно и даже минимум, необходимый для пропитания, опубликованы в его полном собрании сочинений, т. 43, с. 219. У крестьян было реквизировано 90%

урожая, который был в 1920 г. и так скуден. С начала 1921 года появились первые признаки голода, а в самом 1921 г. разразилась засуха. Масштабы бедствия, возможно, оказались неожиданными даже для власти. В 1921 г. был издан декрет о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, но «натуральный налог», зависящий от площади пахотной земли – был огромен и подобен грабежу, его не снижали. Голод охватил 37 губерний в Поволжье, Приуралье на юге России. Люди ели собак, кошек, множились случаи людоедства. Несмотря на это, взимание продналога продолжалось. Летом 1922 г. голодало более 30 млн. человек. Тотальный голод приостановился к 1923 г. Жертвами его стало более 5 млн. человек, по самым скромным подсчётам. Да, нужно заметить, что и в Российской Империи были стихийные неурожаи, засухи и мор по этой причине. Но никогда в таких случаях число жертв не превышало полумиллиона человек.

Кроме подавления неудовольствия крестьян, призванный большевиками голод должен был сослужить и иную службу. 19 марта 1922 года в ныне широко известном секретном письме членом Политбюро ЦК РКП(б) Ленин пишет: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем и поэтому должны провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Все соображения указывают на то, что позже нам сделать этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода,

не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализовывание этих масс. Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли об этом в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше...».

Таким образом, несмотря на активное и разностороннее участие духовенства в помощи голодающим (послание Святейшего Патриарха Тихона главам христианских Церквей с призывом помочь голодающему русскому народу летом 1921 г., воззвание Святейшего Патриарха Тихона 19 февраля 1922 г., «благословлявшее церковно-приходские советы жертвовать в пользу голодающих драгоценные предметы, не имевшие богослужебного пользования») и собирать пожертвования голодающим), Русская Православная Церковь была обвинена в отказе употребить свои якобы несметные материальные ценности на борьбу с голодом. В добровольном сотрудничестве с Комитетом Помощи Голодающим (Помголом) Церкви было отказано, и 23 февраля 1922 г. вышел декрет ВЦИК о насильственном изъятии церковных ценностей. Не только сопротивлявшимся, но даже просто на словах возмущавшимся вандализмом грабежом властью храмов священникам и прихожанам был дан жестокий отпор. Самыми громкими показательными процессами об изъятии церковных ценностей стали московский и петроградский, где, как и везде, судам придавалась видимость «революционной законности», но приговор вынесен заранее. Несмотря на то, что в Петрограде результатом этих «судов» был расстрел горячо любимого паствой, первого и единственного всенародно избранного митрополита Вениамина, ныне прославленного в лике святых, а также троих его сподвижников – архимандрита Сергия (Шейна), мирян Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова (в Москве смертный приговор вынесли трём известным протоиереям, иеромонаху и мирянину) – суды выглядели необоснованными, а приговоры – несправедливыми. Позже по этой причине большевики отказались от показательных процессов.

Мы рассказываем об этих событиях первых лет советской власти не ради праздного интереса. Кроме общепросветительских целей, демонстрации фона церковной и общественной жизни, на котором протекала жизнь о. Владимира и его семьи, процессы насильственного «изъятия церковных ценностей» сыграли в его судьбе немаловажную роль. «Благодаря» им, как не страшно это звучит, о. Владимир оказался настоятелем храма, являвшегося, пожалуй, одним из самых значительных центров духовной жизни Петрограда-Ленинграда 20-х – начала 30-х годов.

Отец Владимир Шамонин. Конец 20-х – начало 30-х годов

не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализовывание этих масс. Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли об этом в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше...».

Таким образом, несмотря на активное и разностороннее участие духовенства в помощи голодающим (послание Святейшего Патриарха Тихона главам христианских Церквей с призывом помочь голодающему русскому народу летом 1921 г., воззвание Святейшего Патриарха Тихона 19 февраля 1922 г., «благословлявшее церковно-приходские советы жертвовать в пользу голодающих драгоценные предметы, не имевшие богослужебного пользования») и собирать пожертвования голодающим), Русская Православная Церковь была обвинена в отказе употребить свои якобы несметные материальные ценности на борьбу с голодом. В добровольном сотрудничестве с Комитетом Помощи Голодающим (Помголом) Церкви было отказано, и 23 февраля 1922 г. вышел декрет ВЦИК о насильственном изъятии церковных ценностей. Не только сопротивлявшимся, но даже просто на словах возмущавшимся вандализмом грабежом властью храмов священникам и прихожанам был дан жестокий отпор. Самыми громкими показательными процессами об изъятии церковных ценностей стали московский и петроградский, где, как и везде, судам придавалась видимость «революционной законности», но приговор вынесен заранее. Несмотря на то, что в Петрограде результатом этих «судов» был расстрел горячо любимого паствой, первого и единственного всенародно избранного митрополита Вениамина, ныне прославленного в лике святых, а также троих его сподвижников – архимандрита Сергия (Шейна), мирян Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова (в Москве смертный приговор вынесли трём известным протоиереям, иеромонаху и мирянину) – суды выглядели необоснованными, а приговоры – несправедливыми. Позже по этой причине большевики отказались от показательных процессов.

Мы рассказываем об этих событиях первых лет советской власти не ради праздного интереса. Кроме общепросветительских целей, демонстрации фона церковной и общественной жизни, на котором протекала жизнь о. Владимира и его семьи, процессы насильственного «изъятия церковных ценностей» сыграли в его судьбе немаловажную роль. «Благодаря» им, как не страшно это звучит, о. Владимир оказался настоятелем храма, являвшегося, пожалуй, одним из самых значительных центров духовной жизни Петрограда-Ленинграда 20-х – начала 30-х годов.

О. Куликов

Продолжение следует